

Интервью с Анной Петровной БАГИРОВОЙ

«СКОРЕЕ НАС УЧИЛА САМА УНИВЕРСИТЕТСКАЯ АТМОСФЕРА»

Багирова А. П. — окончила Уральский государственный университет (ныне — Уральский федеральный университет) по специальности «прикладная социология» (1995 г.) и Магнитогорский государственный технический университет по специальности «бухгалтерский учет и аудит» (1996 г.). Кандидат социологических наук (1998 г.), доктор экономических наук (2009 г.), профессор, заместитель директора по науке Института государственного управления и предпринимательства УрФУ. Основные области исследования: родительский труд, социология семьи, миграционные установки диаспоральных этносов. Интервью состоялось: февраль — август 2014 г.

Интервью с Анной Петровной Багировой — не первая моя беседа с социологами шестого поколения. К ним я отношу тех, кто родился в 1971-1982 годы и кто в принципе не мог самостоятельно работать в социологии в советские годы. Другими словами, это первая когорта собственно современных российских социологов. И у них — все «не так».

В 1989 году с группой магнитогорских школьников, победителей специально организованного конкурса, она отправилась в США, где жила в американской семье. Посещение местного госпиталя изменило ее планы стать врачом, а случайно попавшая в ее руки книга Владимира Шляпентоха «Социология для всех» определила ее поступление в Уральский государственный университет на специальность «Прикладная социология». Это был 1990 год. Безусловно, никто из социологов первых четырех поколений не мог в школьные годы познакомиться с повседневной жизнью американцев, а первые два поколения — слово социология слышали от своих преподавателей (если слышали) лишь с прилагательным «буржуазная».

Обучаясь социологии в Свердловске, Анна одновременно получила экономическое образование в Магнитогорске; в прежние годы это было практически невозможно.

Ее дипломная работа и кандидатская диссертация были посвящены изучению факторов еврейской эмиграции. До перестройки этой темой, если и занимались, то лишь «компетентные службы». Опять — не так.

В 25 лет Анна досрочно закончила аспирантуру и стала кандидатом наук по социологии. Она с огромным уважением относится к своим учителям и коллегам и высоко ценит «социологическое благословление» профессора Гарольда Ефимовича Зборовского.

Через одиннадцать лет она защитила докторскую диссертацию по экономическим наукам, в которой излагались результаты анализа «родительского труда» — феномена и категории социально-экономического характера. Это была пионерная работа, и сейчас Анна продолжает исследования в этом направлении.

В последние годы профессор Багирова много и успешно занимается преподаванием, исследовательской деятельностью, руководит аспирантами (четверо из которых уже стали кандидатами наук) — и проводит большую научно-организационную работу.

Анной Багировой многое сделано, но еще большего можно от нее ожидать. Пусть «не так» в позитивном, созидательном звучании станет девизом ее жизни.

Багирова А. П.: «Скорее нас учила сама университетская атмосфера»

Аня, Вы принадлежите, если иметь в виду мою классификацию поколений современных советских/российских социологов, к шестой когорте. Это социологи, родившиеся в период с 1971 года по 1982 гг.. Ваше поколение будет образовано из специалистов, из которых никто не работал по профессии в советское время. Это – весьма знаменательно. И многое у вас «не так», как у старших... или у них «не так», как у вас... начнем наш разговор. Где Вы родились? Из какой Вы семьи, что вообще вы знаете о ваших предках? Старшие поколения социологов мало знали, от них многое скрывалось... Вы формировались в другое время...

В моей семье сочеталось порой кажущееся несочетаемым. Предки по папиной линии – из еврейского местечка Ярышев в Винницкой области. Бабушка и дедушка – дочь владельца мехового магазина и пролетарий, с тремя своими братьями в составе «еврейского призыва» уехавший строить Магнитку. Перед самым началом войны бабушку занесло на Украину, она оказалась в гетто, оттуда бежала и чудом осталась жива. У всех моих прадедов и прабабок по папиной линии жизнь закончилась в один и тот же день. Дедушка воевал, после ранения вернулся в Магнитку, закончил горно-металлургический институт и работал на комбинате. С бабушкой они прожили долгую счастливую жизнь, показав нам, внукам, пример оптимизма, терпения, доброты, семейных отношений.

С маминой стороны бабушка и дедушка – дочь кулака и батрак, женившиеся в один день, поскольку нависла угроза раскулачивания и ссылки в Сибирь. Они жили в маленьком городке в Башкирии, но были выходцами с Украины.

Мои родители создали межнациональную семью (в начале 70-х такое встречалось не так часто), что не дало им эмигрировать в 90-е, когда уехали наши многочисленные магнитогорские родственники. Моя мама успешно заведовала экономической кафедрой в горно-металлургическом институте, а папа всю жизнь проработал инженером на комбинате (сначала конструктором, а потом техническим аудитором). Через месяц после 60-летия и выхода на пенсию он неизлечимо заболел...

Я верно понял, что Вы родились в Магнитогорске? Как прошли школьные годы? К каким предметам у Вас больше душа лежала? Успели ли Вы побыть в комсомоле или, когда Вам по возрасту можно был в него вступать, этой организации уже не было? Обучение в старших классах совпало по времени с перестройкой. Как школьники воспринимали все происходившее в стране?

По стечению обстоятельств я родилась в башкирском городке Сибая, но выросла в Магнитогорске. Почти все школьные предметы давались мне достаточно легко, особенно всегда нравилась математика. Помимо школы, я занималась в секции художественной гимнастики и училась в музыкальной школе. Все это я очень любила, и посвятила этим увлечениям 7-8 лет. В комсомол вступила (хотя это уже и не было обязательным) под давлением традиций – семья наша

всегда была «правильная»: бабушка с внуками в первых колоннах на демонстрациях, бабушка всегда знала, кому из нас, как и что надо сделать (при этом сама она нечасто выходила из дома), и т. д. и т. п.

Да, вокруг бушевали страсти, все менялось, но мы, школьники, казалось, не замечали этого... Рискну предположить, что молодыми людьми этот ход событий воспринимался более спокойно, чем взрослыми, казалось, так и должно было случиться. Мы еще не успели «испугаться», не очень осознавали, какая жизнь нам уготована в советские времена, и не особо понимали, что она на наших глазах так резко меняется... Школьники, наверное, воспринимали все изменения так, как это осознавалось в их семьях.. Не помню, чтобы мы с одноклассниками что-то всерьез такое обсуждали... Зато дома (у нас была огромная библиотека) стали появляться «Дети Арбата» (по-моему, в «Роман-газете»), «Архипелаг Гулаг» (в каком-то американском издании) и т.д. - причем все это доставалось родителям всего на несколько дней. Я, конечно, тоже пыталась успеть прочитать все прежде, чем это нужно было передавать следующим счастливым... Изменились и некоторые учителя. На уроках литературы мы вдруг начали изучать серебряный век, на обществоведении – перестроечную публицистику (вспомнился сборник «Иного не дано», что-то еще...).

Личное осознание перестройки для всей нашей семьи пришло в тот момент, когда меня – вопреки еврейской фамилии и американским родственникам – в составе делегации школьников от Магнитогорска (победителей специально организованного конкурса) отправили в США с «миссией доброй воли». Пожалуй, мало кто из родственников, друзей семьи, да и я сама верили, что меня в последний момент не заменят на кого-то «более подходящего». Это был 1989 год. Наверное, начало шестого поколения социологов в Вашей классификации, Борис Зусманович, – последние, кто может понять, почему я говорю об этом здесь. Гремевшие по советскому телевидению Саманта Смит, Катя Лычева, потом выставка «Информатика в жизни США», проехавшая по шести советским городам (в том числе на месяц остановившаяся в Магнитке) – на тот момент это, пожалуй, все, что было известно нам, школьникам, жившим в закрытом городе, о жизни вне СССР.

О той моей поездке хотелось бы рассказать чуть поподробнее. Мы – ученики 9 классов – конечно, не были готовы увидеть то, что увидели. Это были ребята из обычных семей, победившие в олимпиадах по школьным предметам (которые мы и ехали изучать в американском колледже), при этом так или иначе занимавшиеся спортом и проявившие себя в творчестве. Отбирали нас открытым конкурсом, результаты печатались в городской газете. Из Магнитки в Америку на целый месяц поехали около 30 ребят. По несколько дней мы жили в двух разных семьях, а все остальное время – в кампусе колледжа. Все, что мы видели и где бывали – музеи, школы, больницы, кинотеатры, магазины, зоопарк в Bronx – производило неизгладимое впечатление. В Магнитогорске в то время целый ряд продуктов питания можно было купить только по талонам (эта норма касалась курицы, и колбасы, и масла). Металлургический комбинат тогда начал обменивать металл в Китае на одежду и обувь (это называлось бартер), и право купить эти товары получал тот, кто выигрывал в своем подразделении лотерею. Так вот, моему папе, зная, что его дочь едет в Америку, кто-то подарил выигравший

билет; так я оказалась счастливым обладателем спортивных тапочек красного цвета. В нашей группе путешественников еще несколько человек были точно в таких же...

Что удивило в колледже, так это свободное, на равных, общение студентов и преподавателей, раскованность студентов. Питание в столовой по принципу all inclusive. Запомнились исследования в научной группе – горящими глазами молодых ученых, студентов, настойчивостью, интересом, необычайной атмосферой, наполненной пытливостью и тягой к знаниям.

Когда мы вернулись домой, в жизни многих наступил психологически очень тяжелый период. Помню, как целую ночь я рассказывала об увиденном папе, а потом просто замолчала... Было ощущение, что «сказка» закончилась и никогда не вернется. Абсолютно ничего не хотелось. А впереди ведь был выпускной класс... Я даже не помню, как потом оказалась опять в своей школе, как снова и снова рассказывала о поездке сверстникам...

... Мне кажется или так оно и есть, что наши, как бы сейчас сказали, «мобильные» умы, легко восприняли произошедшие в стране изменения, до конца не осознавая их. Многие из нас уехали поступать в вузы в разные города, даже не понимая, что больше такой мы родную Магнитку не увидим. Впереди были приватизация (которая сразу и сильно коснулась магнитогорского металлургического гиганта, где у многих работали родители), рыночная экономика, непрогнозируемое личное будущее...

Да, действительно, удивительная история... не было желания искать возможности для обучения в Америке? Какой вообще путь Вы выбрали после школы?

Интересно, но даже мысли не возникало о том, что мы как-то можем «зацепиться» в Америке... Вспоминается такая деталь: по возвращению, в единственном тогда международном аэропорту «Шереметьево-2» у нас собрали загранпаспорта, и больше мы их не увидели. Мы ведь возвращались в СССР, и даже в самых заветных мечтах не могли представить, что наступят времена, когда мы будем летать в другие страны не по разу в год...

Та поездка повлияла на выбор моей профессии. До нее я готовилась к поступлению в медицинский институт, и даже проходила обучение в профильном УПК (по-моему, это расшифровывалось как «учебно-производственный комбинат»; двухлетнее обучение в нем в выпускных классах школы давало возможность поступать в медицинский вуз). Когда мы с подружкой жили в американской семье, «мама» с «папой», узнав, что мы – будущие врачи, решили сделать нам экскурсию по обычной американской больнице. Идея, конечно, была замечательной, и никакого «злого умысла» не преследовала. Но я, побывав там, навсегда отказалась от этого профессионального выбора – столь большая пропасть разделяла американскую и советскую медицину, что работать в последней мне показалось для себя уничижительным.

Дальнейший же выбор профессии во многом оказался случайным: социология тогда вдруг стала очень актуальной, «модной» наукой, для поступления надо было сдавать математику (а я ее хорошо знала и любила), учиться можно было в Свердловске (а это всего час лета от Магнитогорска) и т. д. Да, еще был такой факт: знакомая родителей работала социологом на Магнитогорском

металлургическом комбинате, и она дала почитать мне несколько книг. Среди них оказалась «Социология для всех» В.Э. Шляпентоха. Пожалуй, то чтение окончательно и направило меня на специальность «Прикладная социология» Уральского государственного университета.

А чем же социология и книга кланяющегося Вам В. Э. Шляпентоха привлекали Вас? В какую сторону неслись Ваши мысли?

Приятно и почетно, спасибо... Первое впечатление от этой книги было то, как интересна и разнообразна социология. Хотелось участвовать в исследовании всех проблем сразу, попробовать себя в изучении разных объектов. Впоследствии, кстати сказать, меня какое-то время действительно бросало из стороны в сторону: были и пенсионеры, и учителя, и люди еврейской национальности, и студенты, и молодые родители, и т.д.

Привлекло в социологии и то, что, как показалось, в ней все зависит от людей – самих социологов. Для качественной работы не нужно дорогостоящее, отсутствующее тогда оборудование (я ведь сравнивала с медициной), необходимы настроенные определенным образом мозги, хорошие учителя, желание учиться. Сейчас немного стыдно об этом говорить, но еще возникло ощущение, что профессиональный труд социолога не так уж сложен...

Пожалуйста, максимально подробно о годах обучения: с явками, паролями, датами...

Наша группа будущих социологов призыва 1990 года оказалась вторым набором кафедры прикладной социологии Уральского государственного университета. Мы в своем роде еще были экспериментом, многое на нас «обкатывалось»: это касалось как преподавательского состава, так и перечня дисциплин, их содержания, методик преподавания. Будучи сама преподавателем, сейчас я понимаю, что нашим учителям что-то удалось, а что-то – не совсем. Хотя впечатляющие результаты нашего выпуска говорят сами за себя: 5 человек в скором времени после окончания университета стали кандидатами социологических наук, преподающими те или иные профессиональные дисциплины, еще несколько с головой окунулись в социологическую практику.

Размышляя о годах обучения, приходит ощущение того, что нас, скорее, учила сама университетская атмосфера: кафедра прикладной социологии была в составе философского факультета, и лишь когда мы учились на пятом курсе, она вошла в созданный в 1994–1995 годах факультет политологии и социологии...

Безусловно, были дисциплины и – самое главное – преподаватели, давшие нам «ремесло».

Прежде всего, к ним относится Наталья Николаевна Маликова, на первом же курсе познакомившая нас со статистикой. Все на ее занятиях было просто и понятно и, скажу к слову – трое в прошлом студентов нашей группы сейчас преподают именно статистику. Это, конечно, ее заслуга.

Посчастливилось нам учиться и у основателя уральской социологии Льва Наумовича Когана. Его «Социология культуры», сочетающаяся с великолепным ораторским искусством, мощью личности Льва Наумовича (которую, надо отметить, он не экономил даже на студентах) оставили неизгладимый след в нашей памяти и – поистине – ощущение прикосновения к чему-то великому.

Нельзя не вспомнить Гарольда Ефимовича Зборовского и Георгия Петровича Орлова. К сожалению, они вели у нас какие-то небольшие, даже, наверное, факультативные курсы вроде «Социологии конфликта» и «Индустриальной социологии». Именно здесь была развита системность мышления, логичность рассуждений, понимание предназначения теоретической социологии.

Очень интересна была история зарубежной социологии, которую на старших курсах вела Евгения Станиславовна Баразгова. Мы читали тогда труднодоступные работы классиков и современных социологов, занимая очередь за единственным экземпляром в «филкабе» (философском кабинете – читальном зале для студентов-философов, социологов и политологов). Обсуждение работ Мертона, Парсонса, Вебера, Турена, Тоффлера, Белла на семинарах привило необходимому будущим социологам искусство интерпретации и творческого мышления.

О многих отраслевых социологиях мы узнали от преподавателей кафедры прикладной социологии: Ольги Викторовны Рыбаковой, Ларисы Леонидовны Рыбцовой, Леонида Васильевича Сысолятина. Елена Львовна Могильчак познакомила нас с методами измерения в социологии. За годы учебы мы в силу объективных причин практически ничего не узнали о компьютерных программах обработки информации; заложенной базы хватило для того, чтобы все это освоить впоследствии самостоятельно. Возглавлял кафедру тогда и продолжает это делать сегодня Анатолий Васильевич Меренков – его теория единства в человеке биологического, психологического и социального лежала в основе всех преподаваемых им курсов.

Пожалуйста, порисуйте портрет Льва Наумовича Когана, чем же его лекции «магнитили»?

Какое точное слово – «магнитили»... Во-первых, как я уже заметила, они были чрезвычайно просты для восприятия и понимания. Казалось бы, он не говорил ничего неизвестного нам – хотя, конечно, материал был абсолютно для нас новый. Это ведь, наверное, и есть основной признак преподавательского мастерства – уметь рассказать просто о сложном... Материал был великолепно логически выстроен, изобиловал результатами проведенных под руководством Льва Наумовича исследований... Кроме этого, завораживала, конечно, сама манера вести занятия – его раскатистый баритон был слышен далеко за пределами аудитории. Увлеченный рассказом, он гулял по аудитории (видимо, поэтому деканат специально ставил занятия в больших аудиториях), мог в процессе взять что-то с одной парты и спустя какое-то время положить совершенно на другую... Его всегда сопровождал ореол величия... Мы едва соприкоснулись с той глыбой, которую Лев Наумович представлял собой как человек, ученый, преподаватель, организатор. Но даже это полугодовое общение с ним в роли студентов очень заметно повлияло на наше профессиональное становление.

Очень хорошее замечание: «нас, скорее, учила сама университетская атмосфера»; что же это была за атмосфера? Что ее определяло?

Самое главное было то, что это была атмосфера поиска знаний, глубоких знаний. Будучи студентами сначала философского факультета, мы ведь столкнулись с необходимостью очень много читать и размышлять о прочитанном.

Другая часть обучения — социологическая — отличалась тем, что преподаватели нашей кафедры сами, по сути, еще учились на нас, учились преподавать... Приобретенные именно тогда умения самостоятельно добывать знания, не пасовать перед трудностями, браться за любое, даже самое сложное дело, проявлять инициативу многим из нас помогло впоследствии (когда все быстро менялось и в науке, и в жизни) состояться профессионально.

Студенческие годы — не только учеба, это и разнообразные формы освоения культуры, путешествия, неформальные дискуссии, новые встречи... чем эта сторона университетской жизни запомнилась?

«Соседство» с философами по факультету и общежитию сыграло определенную роль в дальнейшем жизнеощущении. Хотя всерьез они социологов и не воспринимали (обзывая нас позитивистами), даже пассивное участие в их дискуссиях сказывалось на дальнейших художественных вкусах. Это касалось и литературы, и кино, и театра...

Не помню уже, как, но именно в студенческие годы я узнала о появившихся тогда во многих крупных городах (в том числе и Екатеринбурге) еврейских организациях. Они проводили семинары, конференции, отмечали праздники, организовывали молодежные лагеря. Наверное, нет смысла говорить здесь об этом подробно, но именно в тот период передо мной встал серьезный выбор, связанный с возможностью эмиграции. О целесообразности такого шага много спорили в еврейских молодежных лагерях и, надо сказать, что подавляющее большинство приобретенных там друзей, как и в целом посещавших такие лагеря молодежи, в скором времени действительно уехали.

У меня же благодаря тем поездкам появились научные интересы. Одним из еврейских лидеров в Екатеринбурге был и сейчас остается Михаил Оштрах. В отличие от некоторых активистов того времени, целью его деятельности было сохранение еврейского наследия и создание еврейской национально-культурной автономии на Урале. Именно с общения с ним (а он, кстати сказать, ученый — биофизик) и начались мои социологические исследования еврейского населения. Спустя какое-то время он познакомил меня с Владимиром Давидовичем Шапиро, профессором Института социологии РАН, который руководил большим проектом по изучению российского еврейства. Благодаря участию в том проекте я попробовала вкус уже настоящей работы социолога.

Студенту никогда не хватает денег, даже если он получает стипендию, если ему помогают родители. Тем более — начало 1990-х... Вы работали в студенческие годы?

Пожалуй, первая серьезная работа и была связана с проектом В. Д. Шапиро. Я была руководителем полевых работ в Екатеринбурге. Это был 1994 год. В задачи входила вся организация интервьюирования 300 евреев, поиск которых осуществлялся методом снежного кома, в соответствии с характеристиками выборочной совокупности. Интервью длилось больше часа и затрагивало самые разные аспекты: национальное самосознание, эмиграцию, знание истории и языка, соблюдение еврейской традиции в родительской и собственной семье и т. д. Конечно, интервьюеров нужно было инструктировать, помогать им, и это тоже входило в мои обязанности. Многих респондентов я опрашивала и сама.

Впоследствии проект расширился до Украины, Владимир Давидович предложил мне поработать и там. Я тогда училась на 5 курсе. Уехать надо было на месяц, и я выбрала Киев. Работа была знакомая, желающих поработать в качестве интервьюеров пенсионеров было много, и, несмотря на то, что нужно было опросить уже 500 респондентов, у меня оставалось много свободного времени для экскурсий по Киеву...

В студенческие годы я пробовала себя и в еще одном виде профессионального труда. Наш одноклассник, Денис Шкурин, разработал программу обработки количественных данных «Vortex» (об SPSS тогда никто не знал). С ее помощью обрабатывались все исследования, которые проводила кафедра и университетская социологическая лаборатория. Кому-то надо было вводить в базу информацию из анкет, мне это нравилось и получалось довольно быстро... Да, надо сказать, что тогда у меня появился первый компьютер (по-моему, это был или 1993, или 1994 год). Если в процессе возникали какие-то сложности, выяснялось, что программа работает некорректно, Денис сразу же что-то в ней доделывал... Надо сказать, что «Vortex» по-прежнему живет, постоянно совершенствуется (последние версии, например, предусматривают возможности многомерного анализа), и сейчас нет ни одного социолога-выпускника университета, который бы им не владел.

Ну что же... Вам повезло: и тема (российское еврейство) – интересная и мало изученная, и признанный специалист в этой исследовательской области – Владимир Шапиро. Вы только занимались организацией поля или включились и в анализ собранной информации?

«Повезло» - это, наверное, очень мягко сказано. Я бесконечно благодарна судьбе, что она познакомила меня с Владимиром Давидовичем.

Действительно, тема еврейства в силу моего полукровного происхождения была мне интересна всегда. В студенческие постперестроечные годы появилась возможность дискутировать о национальной идентичности – как в кругу студентов, так и с молодежью, вовлеченной в те или иные формы еврейской жизни. О том же, чтобы сделать российское еврейство объектом своих исследований, мне кажется, я даже и не мечтала. Все же сильна была еще «закрытость» этой темы, высок риск возможного неприятия... Когда же появился Владимир Давидович Шапиро с российским проектом, конечно, все эти опасения в один момент были сняты. У меня родилась дерзкая идея не только писать диплом, но и продолжать исследования по этой теме в рамках кандидатской диссертации (впоследствии, кстати, именно Владимир Давидович придумал формулировку ее названия)... Несколько интервью в Москве (куда меня пригласили «на учебу» в рамках проекта) и около полусотни в Екатеринбурге я провела самостоятельно – надо ведь было «почувствовать» объект. Тем более, Владимира Давидовича всегда интересовала эта обратная связь с интервьюируемыми, которая выходила за рамки заполненного опросника. Надо сказать, что я многому научилась у В. Д. Шапиро – его скрупулезность, четкость и тщательность в работе, требовательность и внимание к мелочам (казалось мне) позволили мне увидеть организационную сторону высокопрофессиональной социологической работы, которая, как известно, во многом предопределяет достоверность и качество получаемых результатов.

К сожалению, мне не пришлось вместе с Владимиром Давидовичем работать и дальше, принимая участие в анализе результатов того проекта — да и кто бы мне это позволил сделать, я ведь была студенткой... Но он любезно поделился первичными данными по российскому массиву. Блок вопросов, связанных с эмиграцией, я — по условиям договоренностей — анализировала сама, на основе собственных гипотез, «не подсматривая» в выводы, сделанные В.Д. Шапиро и его коллегами (надо сказать, что результаты их исследования были опубликованы позже, чем я защитила кандидатскую диссертацию)... Готовую работу я возила Владимиру Давидовичу и, получив его благословление, успешно в Екатеринбурге ее защитила.

В 1970 году я участвовал во Всесоюзной переписи населения как переписчик, ходил по адресам. Я до сих помню некоторые встречи, обстановку комнат (в том районе, где я работал, не было отдельных квартир). Наверное и у Вас были и сохранились какие-то эмоции по поводу встреч и общения с респондентами. Ведь и для них все это было ново и необычно...

Действительно, для многих респондентов это интервью было воспринято как редкая возможность поговорить о своем еврействе: о том, как оно воспринималось в семьях их родителей, бабушек и дедушек, о том, как все это — в подавляющем большинстве — с годами ушло из их жизни, из жизни их детей и внуков (в Екатеринбурге расцвет «еврейской жизни» начался несколько позже)... Старшее поколение говорило на идише... Конечно, люди рассказывали о своих непростых судьбах, о том, как они оказались в Свердловске, как создавали семьи... Помню, одна женщина призналась, что она несчастлива в браке из-за того, что национальность ее мужа иная, нежели у нее... Один молодой человек совершенно не ощущал себя евреем, несмотря на запись в паспорте, отрицал все еврейское... По свидетельствам специалистов, антисемитизма в Свердловске почти не было, но респонденты часто говорили, что сталкивались с его проявлениями... Вообще, для меня это был калейдоскоп судеб интересных, разных людей, которые вели со мной откровенную, открытую, неспешную беседу. Многие интересовались, конечно, моей национальностью, семьей, профессией — думаю, что это тоже располагало респондентов к столь необычному для них разговору.

Что же составило содержание дипломной работы? Были ли сложности с отбором материалов, с интерпретацией полученных результатов?

Дипломная работа была посвящена факторам еврейской эмиграции. Поскольку к тому времени у меня сложился круг еврейских знакомых и друзей, сложностей со сбором материалов не было. Мне сейчас сложно вспомнить детали (тем более, что последующая кандидатская была во многом по этой же проблеме, а диплом писался на бумаге обычной ручкой — ничего не сохранилось). Помню, что читала работы Л. Л. Рыбаковского, В. Д. Шапиро, В. И. Переведенцева, Ю. В. Бромлея, Ж. А. Зайончковской, изучала историю еврейского народа, труды Т. Герцля. Одним из выводов, основанных на результатах эмпирического исследования, стало то, что респонденты, в целом не сталкиваясь с проявлениями антисемитизма в быту, на работе, все же говорят, что эмигрируют из-за него. Заведующий нашей кафедрой и руководитель моей дипломной работы

А. В. Меренков тогда изучал стереотипы населения, и это повлияло на мой вывод о том, что одним из факторов еврейской эмиграции является не сам антисемитизм, направленный на конкретного человека, а стереотипное представление о его возможности.

Сложностей в сборе и интерпретации материала, похоже, не было никаких — вспоминается такой факт: защита диплома была назначена на июнь, работу я завершила еще в апреле, и весь май мы с папой путешествовали по Израилю, встречаясь с многочисленными родственниками. Кстати сказать, беседы с ними подтвердили правильность сделанных выводов о преимущественно экономическом характере той волны эмиграции.

Не уникальный, но и несчастный случай, как Вам удалось одновременно с освоением социологии получить и экономическое образование?

Второе образование — это была возможность, которую на семейном совете решили не упускать. Видя, как мне легко учиться в Университете, возникла идея совместить это обучение с экономическим заочным образованием в Магнитогорском государственном техническом университете. По-моему, я тогда была на 4 курсе в УрГУ... Приезжая домой в Магнитку на каникулы, я ходила на занятия с заочниками, сдавала все, что могла, и возвращалась к своей основной учебе. Честно говоря, всегда воспринимала экономическое образование как что-то не очень нужное, «про запас», «на всякий случай»... Особых усилий не прилагала — ну что можно выучить и сдать за 3-4 дня... Все, что я осваивала, с таким же успехом и скоростью улетучивалось... Конечно, многие дисциплины пересекались, и мне их перезачли. Где-то, скажу честно, помогала мама, которая работала в этом университете... Из всех изученных таким образом дисциплин больше всего понравился экономический анализ, который я потом много лет преподавала сама (конечно, тогда уж я в нем разобралась досконально)...

Итак, в 1995 году закончен УрГУ, что было дальше? Как развивались события?

Дальше, в том же 1995-м, было поступление в аспирантуру. Так получилось, что места в родном УрГУ не оказалось, но зато были места в Уральском политехническом университете (УПИ), где, собственно, своих выпускников-социологов никогда не было. Нас с подругой-однорукпницей, Анастасией Бельковой, с радостью и большим радушием взял к себе на научное руководство заведующий кафедрой социологии и политологии УПИ Юрий Рудольфович Вишневский...

Новый вуз, конечно, сильно отличался от нашего университета. Во-первых, УПИ был просто огромный, в нем бурлила студенческая жизнь (в частности, это проявлялось на большом перерыве («большаке»), когда огромное фойе («паркет») заплотнялись на своих спевках стройотрядовцы). Привычная нам университетская «камерность» ощущалась только на кафедре социологии и политологии, и то недолго — с коммерциализацией образования, в которую кафедра кинулась одной из первых, это чувство быстро прошло. Во-вторых, УПИ был «технарским» вузом, и нас, гуманитариев, особо всерьез технари не принимали: наука наша — не наука, читаемые нами курсы — не учеба и т.д. Еще был такой непростой для выпускников социологического факультета момент: в УПИ студентам-технарям читался общий курс «Социология» объемом около 48 часов. Каково же было наше

с коллегой недоумение, когда мы в качестве аспирантов проходили педагогическую практику! Мы не могли понять, как можно прочитать за 4 часа историю социологии (в университете на ее изучение отводилось около 200 часов), еще за 2 – методику социологического исследования и т. д. Вместе с тем, упийские преподаватели социологии (у большинства из которых было философское образование) с честью с подобной задачей справлялись и во многом помогали нам.

Аспирантура запомнилась занятиями философией и английским, сдачей кандидатских экзаменов, подготовкой диссертации, которая более или менее успешно совмещалась с работой, массой новых знакомых и друзей. Именно в тот период я начала преподавать экономику в одном колледже и параллельно работать социологом в аналитическом центре в другом. Конечно, я понимала, что эта деятельность временна (в первую очередь этим приходилось заниматься из-за денег, ведь аспирантская стипендия у гуманитариев была крайне низкая), и основные усилия были связаны с работой над диссертацией.

...вы пишете — «массой новых знакомых и друзей». Это очень интересно... Каким был Ваш круг новых людей? Что именно Вас с ними объединяло?

Пожалуй, объединяли прежде всего молодость и аспирантура, остальное скорее разъединяло, но именно в силу этого было особенно интересно... Учась в УрГУ, мы общались с философами по профессии и складу мышления, а в УПИ нас окружали технари. Открытием стало, что такое общение тоже может быть увлекательным и полезным... Деканом нашего факультета гуманитарного образования был Виктор Иванович Кашперский — доктор философии с техническим образованием. Его лекции по философии для аспирантов заметно отличались от тех, которые мы слышали в УрГУ — причем не простотой (учитывая не совсем привычную к постижению философии аспирантскую упийскую братию), а стройностью, структурированностью, «техничностью» рассуждений... Уникальны были и лекции Германа Викторовича Мокроносова, где он знакомил нас с разработанной им теорией единства общественных отношений и жизнедеятельности личности, основанной на его прочтении Маркса.

Какую тему для диссертации Вы избрали? В чем Вам виделась главная исследовательская проблема? Кто был Вашим руководителем?

У научного руководителя, которым стал Юрий Рудольфович Вишневский, доктор философских наук, профессор, зав кафедрой в УПИ, был и остается единый подход к диссертациям — развитие темы дипломной работы. Эмиграция была массовой, тема оставалась актуальной. Основной проблемой стало изучение процесса развития эмиграционных настроений диаспоральных этносов, сфокусированное на российских евреях. Все респонденты были поделены на группы — в зависимости от стадии, интенсивности их эмиграционных настроений (теория была построена на идеях работы Ж. Т. Тощенко «Социальное настроение»). Затем каждая группа изучалась отдельно и в сравнении с соседними, на основе чего делались выводы о тех представлениях, изменение которых стало ключевым для усиления эмиграционных настроений. Честно говоря, все выводы я переносила на себя, проживала как бы изнутри — мне было интересно, почему

же не уехала я, в чем мои мысли отличны от мнений моих респондентов — тех изученных групп, которые приняли решение эмигрировать. Надо сказать, что этим методом я нашла для себя какое-то обоснование собственных действий...

Ну а с формальных позиций — работа над диссертацией шла достаточно быстро, руководитель ставил какие-то сроки, я их старалась выдерживать. Защита состоялась в сентябре 1998 года, незадолго до завершения обучения в аспирантуре. Мне было 25 лет.

Да, Вы многое успели: два высших образования и завершенная кандидатская диссертация. К этому моменту Вы уже были замужем?

Почти. Как-то так оказалось, что два этих важных события в моей жизни пересеклись, и буквально «наползли» одно на другое — свадьбу мы сыграли меньше чем через два месяца после защиты. Семья будущего мужа была связана с высшим образованием и наукой, а дед супруга — Александр Васильевич Бакунин — был известным уральским историком, организатором науки.

После защиты Вам скорее всего предложили работу на кафедре. Или не так?

Это произошло само собой. Кафедра начала стремительно расти: из скромной, читающей социологию и политологию студентам технических специальностей, она за короткий период превратилась в выпускающую будущих менеджеров в социальной сфере. В конце 90-х в России как раз наступил бум подготовки менеджеров... Кафедра набирала много первокурсников, причем не только в Екатеринбурге, но и в многочисленных, расположенных по всему Уралу, филиалах и представительствах УПИ. Число преподавателей кафедры выросло в разы (в какой-то период нас было около 80 (!)), большинству приходилось осваивать новые для себя дисциплины, и тут же, «с колес», их преподавать... Мое экономическое образование оказалось, надо сказать, весьма кстати — вместо социологии для технарей (второстепенной и ненужной — в их понимании — дисциплины) я с большой радостью стала читать любимую статистику и экономический анализ будущим менеджерам... Научные интересы в тот период, честно сказать, отошли на второй план — вместе с кафедрой надо было ориентироваться в быстро меняющейся обстановке, поспевая за все возрастающим спросом абитуриентов и их родителей на такое образование.

Создается такое ощущение, что Вы не были связаны с социологами Москвы (за исключением В.Д. Шапиро), Петербурга, других крупных социологических центров России. Так ли это? Ведь Вы, наверное, участвовали в различных конференциях, семинарах, знакомились с Вашими ровесниками, старшими по возрасту социологами?

Действительно, Борис Зусманович, подобного общения было немного. Тому вижу несколько причин. Во-первых, кафедра социологии УПИ была немного «на периферии» социологического образования в Екатеринбурге. Не забывайте, что эта кафедра никогда не готовила социологов-профессионалов, в отличие, скажем, от кафедры прикладной социологии УрГУ и ряда других вузов Екатеринбурга и Урала. Конечно, это влекло за собой определенное игнорирование нас социологическими центрами и Урала, и России. Кафедра, если можно так сказать, решала другую важную для социологической науки задачу — задачу выживания «общеобразовательной» социологии в техническом вузе. При этом,

разумеется, преподаватели реализовывали и собственные проекты, наиболее масштабный из которых – мониторинговый проект «Студент» (1995 – 1999 – 2003 – 2007 – 2009 – 2012), посвященный исследованиям различных аспектов социокультурной жизни студенчества. В одном из этапов этого проекта (1999 года) довелось участвовать и мне.

Вторая причина, по которой внешние контакты были минимизированы – финансовая. Общеуниверситетский статус кафедры накладывал свои ограничения и в этом плане, о финансирующих поездки фондах мы тоже ничего не знали... Сейчас ситуация в корне изменилась. Университет стал федеральным, а молодежная наука превратилась в одно из наиболее поддерживаемых направлений. Сегодня даже наши студенты имеют возможность участвовать в различных конференциях в городах России и, надо сказать, активно этим пользуются.

Рискну предположить, что в определенном смысле ограниченность узко-профессиональных контактов преподавателей нашей кафедры с социологическим сообществом компенсировалась более широким гуманитарным общением, что позволило нам достаточно разносторонне воспринимать мозаику происходящих событий как в университете, так и далеко за его пределами. Мы работали в тесном взаимодействии с философами, культурологами, психологами, историками – все эти кафедры составляли факультет гуманитарного образования тогдашнего УПИ, все вместе старались выжить, не только доказывая свое «право на существование», но и открывая новые направления подготовки студентов, реализуя новые – зачастую междисциплинарные – исследования. Из этого сотрудничества впоследствии рождались совместные гранты, конференции, диссертационные советы.

Когда Вы задумали работать над докторской диссертацией? Как возникла проблематика исследования? Какие сложности были видны сразу? Были ли неожиданности в разработке темы?

Желание продолжить научную деятельность пришло, честно говоря, только спустя годы. Оно, конечно, должно было «вызреть»... За это время родился и вырос сын, расцвело «коммерческое» образование с массой возможностей заработать для преподавателей, затем была административная работа в негосударственном вузе... Все эти внешние обстоятельства отодвинули науку на периферию интересов, хотя, конечно, понимание того, что когда-то я к ней вернусь, никогда меня не отпускало. Переломный момент наступил после моего знакомства с профессором нашего Университета, экономистом Анатолием Михайловичем Ильшевым – для этого человека подготовка научных кадров в тот период жизни стала основным занятием, которому он посвящал себя целиком. Видимо, «разглядел» меня и он, предложив три научных направления, которые были интересны прежде всего ему, и отпустив меня подумать обо всем об этом на лето 2007 года... Надо ли говорить, что с самого начала сентября 2007 года я стала вникать в проблематику родительского труда (или, как мы его тогда называли – репродуктивного труда). Анатолий Михайлович познакомил меня со своими наработками в этой сфере, с трудами его учеников. Конечно, у меня зародились определенные сомнения.

Прежде всего, они были связаны с необходимостью внедрения результатов экономических исследований — а тут было ясно, что наши идеи не лягут ни в одну концепцию демографической, семейной политики (по крайней мере, в ближайшие годы). В связи с этим Анатолий Михайлович мне предложил выход на систему образования, которую можно рассматривать как один из механизмов подготовки к родительскому труду. Это требовало изучения основ педагогики, не очень интересной мне науки... Были опасения и такого рода: экономисты-«трудовики» всегда исследовали профессиональный труд, ни о каком родительском труде они не слышали и слышать не хотели. Это влекло потенциальные сложности с прохождением диссертационного процесса: публикации, рецензенты, оппоненты, диссертационный совет, ВАК. Каким-то слабым утешением звучали тогда слова Анатолия Михайловича о том, что в нашем Университете планируется создание совета по экономике труда, где эта проблематика будет горячо приветствоваться.

Если отбросить эти два сомнения прежде всего организационного характера, то тема родительского труда понравилась мне сразу: во-первых, идея восприятия родительства как трудовой деятельности мне показалась правильной (напомню, у меня ведь был маленький ребенок) и перспективной; во-вторых, она не была «кондово-экономической», тут в полной мере были востребованы мои социологические знания и интересы; в-третьих, огромны были напор будущего научного консультанта и моя уверенность в том, что в случае необходимости он защитит и непонятное экономистам направление в целом, и меня как его приверженца... Надо сказать, что последующие годы показали, что с тем выбором я не ошиблась, ни в одном его пункте...

Итак, решено было работать над исследованием репродуктивной активности — так было названо качество репродуктивного (родительского) труда, необходимого для преодоления негативных демографических тенденций. Эта категория «родилась» так: читая немногочисленную литературу по репродуктивному труду, написанную моим консультантом в соавторстве с его первой докторанткой, я оставляла на полях какие-то заметки. Среди них были словосочетания, с которыми ассоциировалось у меня прочитанное. В конце концов появился список из десятка таких категорий, одна из которых — репродуктивная активность — была признана Анатолием Михайловичем наиболее перспективной.

Работа началась с изучения... учебников по экономике труда. Потом пошли монографии — Гастев, Струмилин, Тоффлер. Потом работы, в которых так или иначе можно было найти обоснование понимания родительства как труда, как сектора экономики — Маркс и Энгельс, Коллонтай, Радаев, Барсукова, Бек. Были и демографы (Рыбаковский, Елизаров, Архангельский, Зверева), и социологи-фамилисты (Антонов, Медков, Харчев), и трудовики (Тощенко, Кравченко, Дряхлов, Щербина). Конечно, Беккер, Шульц... Разумеется, это далеко не полный перечень того, что изучалось... Я ушла с административной работы, существенно потеряв в деньгах, но научная работа меня, надо сказать, захватила. Я много выступала на конференциях, доклады, как правило, вызывали много вопросов, высказывались разные мнения (от «какой труд? это же счастье!!!» до «как правильно, почему мы раньше сами-то не догадались, идея ведь на поверхности...»). Трудовики принимали нас лучше, демографы — хуже.

Ситуация усугублялась тем, что Анатолий Михайлович в силу своего горячего, бескомпромиссного характера далеко не со всеми коллегами был в хороших отношениях.

Спустя некоторое время после начала этой работы, на конференции в Сургуте, куда Ильшев привез всех своих учеников, я познакомилась с будущей коллегой Оксаной Шубат — она в то время писала кандидатскую диссертацию. Оксана была асом в статистике, в многомерных методах статистического анализа. Именно благодаря общению с ней, а потом и курсам по SPSS в Московском экономико-статистическом институте у меня в работе появились исследования межрегиональной и межстрановой репродуктивной активности, выполненные с помощью методов регрессионного, факторного, кластерного анализа.

Конечно, в работе были и периоды спада. Когда-то они были связаны со сложностью и нежеланием решать задачи, которые ставил Анатолий Михайлович, когда-то — с отсутствием (как мне казалось) перспектив защиты... В феврале 2009 года наступил день, когда Ильшев радостно сообщил, что в нашем университете открылся диссертационный совет по экономике труда. Он лично прикладывал к этому много усилий, но раз за разом ВАК по каким-то причинам отказывал.. И вот это событие произошло. На мой вопрос, сколько совет существует, Ильшев ответил, что до конца года (2009) — точно, потом планируется изменение номенклатуры научных специальностей, в связи с чем возможно закрытие всех существующих советов в стране... На мое изумленное восклицание о том, что мне не успеть написать работу за это время, Ильшев ответил, что на меня он, собственно, и не рассчитывает, есть, мол, и другие желающие и готовые защититься...

Конечно, меня это очень задело. Работа к тому времени была готова чуть больше чем наполовину, много необходимых публикаций уже было сделано. И вдруг такая реакция Ильшева — сейчас понимаю, что он на меня в тот момент был несколько в обиде, потому что пару месяцев не видел от меня никакого нового материала. Пришлось мне напроситься на встречу, захватив с собой отчет о промежуточных итогах и сформулировав все возможные обещания. В итоге мне были поставлены условия: готовность работы и всех недостающих публикаций к 1 сентября, предзащита на кафедре с присутствием внешних экономистов-трудоустроителей в первых числах сентября. Если на заседании будет принято положительное решение, то защита — в декабре 2009 года.

Самый сложный организационный момент здесь был — публикации. И тут Ильшев сыграл огромную роль. Он находил в моих текстах то, что может превратиться в статью, подсказывал, где это лучше опубликовать, зачастую сам договаривался с редакциями. В итоге публикаций было так много, что некоторые «доброжелатели» на защите говорили о якобы «подпольном цехе», который писал эти работы... Только близкие люди и Ильшев знали, как тяжело все это давалось, сколько приходилось работать без сна и отдыха...

Чему меня научила работа с Анатолием Михайловичем? Кроме содержательных моментов (сама идея родительского труда, разработка методологии анализа, структурирование научной работы) у меня появилось умение организовывать научную деятельность — как свою, так и — впоследствии — своих учеников. Многие личностные качества, которые пришлось сформировать и развить

во всем этом процессе (уверенность в правильности своих идей; умение, как он говорил, «держать удар»; просчитывание каких-то ситуаций; гибкость там, где это необходимо «ради дела») — тоже его заслуга.

Что удалось выявить? Каковыми были главные теоретические выводы?

Во-первых, было дано глубокое обоснование того, что родительство — это труд. Определен круг «заказчиков» этой деятельности, которые, правда, себя таковыми не считают. Причина, на мой взгляд, кроется в том, что семья сегодня выступает своего рода «дешевым удовольствием» для государства, и такая ситуация всем (кроме родителей) очень выгодна. Родители же зачастую сами способствуют подобному восприятию, считая, что мамы «сидят дома» с детьми, что их труд второсортный (в отличие от профессионального), что они рожали ребенка «для себя» и т. д.

Во-вторых, была разработана методология анализа родительского труда. Она ориентировалась прежде всего на анализ затрат, возникающих в ходе этого труда (временных, финансовых), и анализ его результатов (вот тут и потребовались навыки многомерного статистического анализа). С последним аспектом возникали сложности в первую очередь этического характера («Как можно оценивать результаты труда родителей...», «А если ребенок родился больной..., родители в этом виноваты?» и т. д.). Действительно, тема спорная, но находящая все же свое решение в западной науке, прежде всего, в русле социэкономии... Надо отметить, что сегодня и у нас темы качества населения, «качества рождаемости» поднимаются все чаще. Этому способствовала политика стимулирования рождаемости — прежде всего, программа материнского (семейного) капитала... В своей работе я пошла и дальше — была сделана попытка предложить систему показателей, оценивающих эффективность родительского труда. Часть из них предполагалось собирать социологическими методами.

Еще одна идея состояла в том, что для того, чтобы родительский труд реализовывался грамотно, а его результаты были качественными, будущие родители должны этому где-то учиться. Одна глава работы была целиком связана с педагогикой, с методикой преподавания соответствующих дисциплин, с акцентами, которые необходимо расставлять в уже существующих курсах. Для этого, в частности, выбирались дисциплины, где сейчас (пусть эклектично) говорится о семье, родительстве, человеческом капитале. В каждую такую дисциплину было предложено добавить определенные темы, которые бы помогали формировать у выпускников высшей школы компетенции в сфере родительского труда. В итоге была разработана концепция перехода вузовского образования к «репродуктивно-ориентированному».

По-мне, так, понятие «родительского труда» весьма содержательно, здесь синтетично смотрятся концепции социологии, экономики, педагогики, есть простор для анализа. После защиты докторской Вам удалось продолжить изучение этой темы или в силу разных обстоятельств, Ваши исследовательские интересы сместились в новые области?

Темой родительского труда я продолжаю заниматься очень активно. После защиты докторской и благодаря ей появились ученики, коллеги, с которыми мы исследуем отдельные аспекты этого вида труда. Тема действительно многогранна,

сегодня мы работаем и в социологическом, и в экономическом поле. В социологию исследование органично вошло после поддержки темы грантом РГНФ Анатолием Ивановичем Антоновым, который был экспертом по моей заявке (Это я узнала позже и случайно, в разговоре с ним на Валентеевских чтениях в МГУ). Много для меня значило и своего рода «социологическое благословение», полученное от Гарольда Ефимовича Зборовского, по работам которого я изучала социологию еще будучи студенткой и который с недавнего времени плодотворно работает на нашей кафедре. Он пристально следит за поворотами нашей темы, подсказывает, помогает и поддерживает, радуется нашим достижениям.

Согласна с Вами: тема имеет перспективы в разных исследовательских областях. Прежде всего это социология семьи, социология труда, экономическая социология, демография, экономика труда, экономика народонаселения. Хотелось бы, чтобы кто-то взялся за изучение педагогических, психологических, юридических аспектов родительского труда... Новые идеи и планы сейчас рождаются благодаря обсуждениям результатов наших исследований на российских и зарубежных конференциях, изучению иностранной литературы. Уральский федеральный университет, где в принципе родилась эта тема, давая сегодня широкие возможности, ставит и новые задачи, к выполнению которых мы с коллегами стараемся приближаться. Например, только что мы вернулись с Всемирного социологического конгресса в Йокогаме, где я работала в рамках исследовательского комитета Family Research. С одной стороны, это позволило познакомиться с актуальными исследовательскими трендами (успешное родительство, материнство и отцовство, конфликт между семьей и работой, поддержка семьи обществом и др.), с другой – понять, что наши исследования лежат в русле общемировых тенденций.

Сегодня я работаю с научной группой единомышленников, которая состоит из преподавателей, аспирантов, соискателей, время от времени появляются студенты. В первую очередь хочется сказать об Оксане Михайловне Шубат, с которой мы познакомились, занимаясь каждый своей темой под руководством профессора Илышева. Учет затрат времени на родительский труд, представления и знания о будущем труде студенческой молодежи, детерминанты вторых рождений, выявленные на основе опроса беременных женщин (идея этого исследования родилась и была реализована, когда мы с Оксаной ожидали своих вторых детей), особенности реализации родительского труда в отдельных социальных группах и общностях (в частности, сейчас нас особенно волнует тема материнства в академической среде) – это эмпирические исследования четырех последних лет. С Оксаной Михайловной мы издали две монографии, написали большое количество статей в ВАКовских журналах, сейчас пытаемся пробиваться в столь востребованные сегодняшним научным сообществом издания, входящие в Web of Science и Scopus. Пока дается тяжело, но не в наших традициях отступать – работаем, учимся признаваемому в научном мире академическому письму, участвуем в зарубежных конференциях, Университет создает условия, рассчитываем на результат...

Несколько качественных исследований проведено с молодым преподавателем нашей кафедры Анжеликой Ворошиловой. Это – биографические эссе студентов на тему родительского труда, глубинные интервью с чиновниками, реализующими меры семейной и демографической политики. После Конгресса

появились планы углубления анализа результатов качественных исследований с помощью специально предназначенных для этого прикладных программ, позволяющих применять к качественным данным известные методики количественного анализа (например, кластерный анализ).

На теоретическом уровне мною разрабатываются проблемы понимания родительского труда как социального института, социального процесса и деятельности, его взаимодействия с другими социальными институтами, вопросы мотивации и стимулирования родительского труда. Крайне актуальной для нашего общества сегодня является сложнейшая тема качества результатов родительского труда, к изучению которой мы постепенно приблизились за эти годы.

Здесь самое уместное поговорить об Йогогамском социологическом конгрессе. Какова была его сквозная тема и много ли было участников? Сколько было российских социологов, наверное, с кем-либо из них встретились впервые и познакомились?

Тема конгресса была связана с проблемами неравенства и вызовами, возникающими в связи с этим для мировой социологии. Этой теме было посвящена пленарная сессия и, конечно, доклад Президента Международной социологической ассоциации Майкла Буравого. Его выступление перед 4-тысячной аудиторией из 120 стран мира, пожалуй, захватило дух каждого присутствующего. Он очень наглядно и убедительно продемонстрировал «социологию для всех» в своей интерпретации — публичную социологию. Искусно оперируя яркими образами (от Папы Римского до Карла Поланьи), он привел восхищенных слушателей к выводу, что социология сегодня стоит перед вызовом, который все мы обязаны, объединив свои усилия, принять и преодолеть.

Всего же на конгрессе работало более шести тысяч социологов, объединившихся в 55 исследовательских комитетов. Для каждого комитета была организована программа, включающая собственные тематические заседания и мероприятия, общие с другими родственными комитетами. Численность российской делегации в этот раз превысила все предшествующие конгрессы — нас было более 160 человек. Отмечу, что в нашем комитете россиян было совсем немного — свои результаты, помимо нас с Анжеликой Ворошиловой, представили лишь два молодых исследователя из Института социально-политических исследований РАН.

Много ли участников собрал ваш исследовательский комитет Family Research? Кто из зарубежных лидеров этого направления был? Кто из россиян работал в вашем комитете? Чему было посвящено Ваше выступление или участие в дискуссии? Как были восприняты Ваши построения, выводы?

В нашем комитете работало около 300 человек. Последние восемь лет это комитет возглавляет профессор Венского университета Rudolf Richter, известный своими работами о родителстве, отцовстве, межпоколенных отношениях в семье. Он, как и вице-президент Rudy Seward из Университета Северного Техаса, присутствовали на всех заседаниях, активно участвовали в дискуссиях. Более того — в силу, видимо, малочисленности россиян в этом комитете, Rudolf Richter отдельно пригласил нас с Анжеликой Ворошиловой на социологический форум, который пройдет через 2 года в Вене и также будет организован Международной социологической ассоциацией. Российскую социоло-

гию в нашем комитете представляли также москвичи Светлана Сивоплясова и Евгения Сигарева из ИСПИ РАН с постерным докладом, тема которого оказалась созвучна нашим исследованиям — они изучали представления о семье студенческой молодежи нескольких российских городов. Кроме того, на совместном заседании с комитетом «Женщины в обществе» (он, кстати, согласно статистике Конгресса, оказался самым многочисленным) выступила Татьяна Карабчук из Высшей школы экономики с интересным докладом по результатам кросскультурного исследования на тему «Карьера против детей: эффекты институционального влияния на субъективное самочувствие женщин в европейских странах». Наш же доклад был посвящен динамике ценностей семьи и родительства студенческой молодежи — мы представили результаты качественного изучения полутора сотен биографических эссе, написанных студентами Уральского федерального университета. Наши выводы были созвучны результатам коллег из самых разных стран мира — семья сегодня переживает многовекторную трансформацию, но при этом остается эффективным социальным институтом, реализующим уникальные социокультурные, экономические, психологические механизмы для жизнедеятельности, поддержки вовлеченных в его деятельность людей.

Одним из важных результатов конгресса для нас (кроме многочисленных идей и новых контактов, конечно) стало знакомство с программой обработки результатов качественных исследований. К своему стыду, раньше мне не довелось узнать об их существовании (правда, впоследствии выяснилось, что не мне одной — наши университетские социологи также пребывали в неведении по этому поводу). Возможности подобных программ напоминают SPSS, позволяя применять хорошо знакомые нам количественные процедуры к материалам, собранным в процессе интервью, фокус-групп, написания текстов и т.д., а затем визуализируя результаты обобщений. Существенно облегчается ввод информации в программу (например, для ряда социальных сетей может быть использована функция автоматического переноса), а выводы, которые могут быть сделаны на этой основе, для меня (в душе все же «количественника») во многом становятся более обоснованы... В планах — изучение программ подобного класса, знакомство с ними коллег по кафедре, магистрантов, аспирантов, активное их использование в исследовательской деятельности.